

Переместившись к восточному склону Павитона, армия Колома разбила у его подножия лагерь. Весна на равнинах уже вступала в права, однако горы ещё были укрыты снегом, а долины – скованы льдом. Да и свирепствовавший в горах ветер оставался ледяным и пробирал до костей.

И всё же, несмотря на внешний холод, в центральном шатре армии стояла самая настоящая жара. Всё дело в том, что рыцари набились в него так, что не продохнуть, а мысли их были заняты исключительно тактикой предстоящего наступления.

Общее руководство нынешней военной компанией возложено было на графа Любека. Графа Кунцмана считали его заместителем. А что касается командора первого рыцарского ордена – маркиза Гермюльдера – то официально считалось, что в наступлении он участия не примет. О его роли в предстоящей войне знали лишь в очень ограниченном кругу лиц.

Разложив на центральном столе карту региона, Любек как раз обрисовывал стратегию: «Граф Кунцман, вам следует занять вот этот перевал. После же оставайтесь на месте, не меняя диспозиции до появления основных сил Галика.»

«А как я узнаю, что галикцы прибыли?» – слышался зычный голос Кунцмана.

«В нужное время я подам сигнал. Но до той поры держите себя в руках, как бы ни свербило у вас вмешаться.»

«Хмпф, да как тут сдержишься – после двух-то с лишним недель вынужденной отлёжки в горной долине! Хмпф!» – зафыркал Кунцман.

«Граф, вы должны сдержаться. Только так мы сумеем полностью разгромить главное войско Галика. Думайте над тем, сколько лет его величество готовился к этой войне. Вы же не собираетесь вернуться к нему ни с чем?»

«Хмпф, да я и сам это понимаю, только вот внутри всё буквально кипит...»

Отлично знавшие темперамент Кунцмана рыцари заухмылялись. Понимание того, что товарищи в эту минуту ведут сражение (а ты торчишь тут на одном месте!!!) могло довести его до иступления. Такой уж у него характер.

Поэтому они поспешили сменить тему.

«Кстати... господин Любек, а как мы всё же переправим баллисты через хребет Павитона? Вам не кажется, что солдатам будет тяжело таянуть в гору на своих плечах подобные махины?..»

Все уставились на графа Любека. Такие осадные орудия они видели впервые, потому сгорали от любопытства.

«Не волнуйтесь. Нам не придётся нести их на себе в собранном виде. С рассветом их демонтируют, и понесут частями. А по ту сторону Павитона соберут снова.»

Последовал новый вопрос: «Разве баллистам не требуются огромные камни[1]? Что если по ту сторону не найдётся камней подходящего размера?»

«Мои люди уже совершили разведку по ту сторону гор. Там есть бурные ручьи, а следовательно, отыщутся и подходящие обломки скал!»

По ходу обсуждения рыцари столь пылко выражали мнения, что утратили всякое представление о времени. Даже Кунцман, у которого, по его собственным словам, от одного упоминания термина «стратегия» начинала болеть голова, внимал с огромным вниманием.

Пока рыцари были поглощены обсуждениями, простые солдаты несли караул. Плотнo обступив шатёр, где собралось командование, солдаты внимательно зыркали по сторонам.

Армия Колома отличалась отличной выучкой и строгой дисциплиной. Не позволяя себе лишних движений, они настороженно оглядывали окрестности.

Те из рыцарей, кто по статусу не имели права присутствовать на собраниях командования, также не сидели без дела. Они по очереди обходили окрестности, подбадривая солдат.

Вот и сейчас, совершая обход, один из рыцарей подошёл к двум стоявшим в карауле солдатам и похвалил их: «Молодцы! Вижу, что, не смотря на поздний час, вы ответственно исполняете свой долг! Не замечали ли чего странного?»

Согласно уставу, солдаты грянули древками копий оземь, после чего прижали к своим бокам. Только после этого левый из них звонко ответил: «Ничего необычного! Разве только...»

Он не окончил фразу, словно сомневаясь, насколько это может быть важно.

Рыцарь прищурил глаза и ещё раз спросил: «Разве только – что?»

«...Разве только тут, под горой, где мы разбили лагерь, как-то необычно много мышей и крыс. Они постоянно снуют туда-сюда буквально на наших глазах.»

«Вот как? Да, во время привалов такое иногда случается. Пойду предупрежу наших армейских поваров. Пусть приглядывают за припасами как следует! Отличная работа!»

Рыцарь похлопал солдата по плечу и ушёл. Теперь необычайно высокая активность грызунов этой ночью бросалась в глаза и ему.

«На хребте Павитон действительно проживает столько мышей?»

Покачав головой, рыцарь направил свои стопы в сторону полевой кухни. Он намеревался увидеться с теми, кто в ответе за приготовление пищи, и предупредить, чтобы глядели в оба. Однако, как это ни странно, здешняя ситуация отличалась от той, что у шатров.

«Мыши? Мы постоянно несём тут вахту, однако никаких грызунов не замечали. Конечно, одна или две особи могут пробраться сюда, и мы этого даже не увидим, но будь они здесь в большом количестве, мы не могли бы не знать об этом. Ну вот, смотрите сами – все припасы хранятся в мешках и на них вообще никаких прогрызенных дырок. Ох, ну, вот тут вот есть одна, но... в любом случае, в целом мышей немного.»

Как и говорили солдаты, большинство мешков оказались целыми. И рыцарь озадаченно склонил голову набок. Теперь он начинал сомневаться, а действительно ли по дороге заметил столько мышей. Может, ему просто мерещилось?

«Тут явно что-то не так... Когда в округе полно мышей, все они непременно будут стремиться к кухне, но... ничего похожего я не наблюдаю. Как такое может быть?»

Мыши старались рыскать вокруг шатров по возможности аккуратно. К солдатам особо не

приближались. Да и кому охота, чтобы его проткнули копьём?

Не получалось подобраться и к центральному шатру. Вокруг него от множества факелов было светло как днём, и стояло слишком много солдат. Однако ближе к окраине лагеря они были буквально повсюду...

...Где-то на удалении, значительно выше по склону, притаился тёмный силуэт. Словно предпочитая тёмные и сырые места, он разлёгся под валуном и, если и шевелился, то одними лишь пальцами.

Всякий раз, как он шевелил ими, мышцы подбегали или уходили прочь. Поднимавшиеся из лагеря у подножия мышцы взбирались по его телу, что-то тихонько пищали на ухо, после чего убегали опять.

Получая информацию от мышей, незнакомец что-то рисовал на земле. Словно ведя какой-то подсчёт, он рисовал то какие-то чёрточки, то, рядом с ними, кружочки. Постепенно кружочков становилось всё больше, а в центре композиции и вовсе разместился огромный круг.

И если бы кто-нибудь взглянул на лагерь Колома с высоты птичьего полёта, а затем на ту схему, что чертил на земле незнакомец, то сильно бы удивился. Слишком уж эти два изображения были похожи.

Всё так! Фигуры, которые рисовал на земле этот странный человек, являлись планом лагеря Колома. При этом сначала был заполнен внешний контур, а затем он постепенно дополнялся тем, что находилось внутри.

Как только схема была завершена, незнакомец поднялся. Затерев нарисованное ступнёй ноги, он отправился восвояси. Получившийся рисунок уже отпечатался в его сознании. Осталось лишь передать это Шиرونу. Своему хозяину.

Шу-ууу... – Фигура незнакомца плавно взмыла в ночное небо.

Широн зажёл лампу и принялся что-то писать.

Биюм часто пересекал хребет Павитона, добывая информацию. И всякий раз Широн переносил его слова на пергамент, после чего принимался за разработку плана. С каждым визитом Биума план его обрстал подробностями.

«При примерном количестве в две тысячи шатров и учитывая, что в каждом размещаются по двадцать человек, военная численность противника должна составлять сорок или сорок две тысячи бойцов. Да уж, Колом подошёл к вопросу со всей серьёзностью. Поверить не могу, что они решились на переброску такого количества войск! Вопрос лишь в том, сколько среди них рыцарей. От числа рыцарей будет зависеть победа или поражение, и как же жаль, что мы не можем этого выяснить! С другой стороны, откуда мышам знать подобные вещи? Эх, а ведь задействовав призраков я бы легко всё выяснил, да только не могу позволить, чтобы их обнаружили.»

Широн устало протёр глаза и потянулся.

«По словам графа Монтеня, костяк армии Колома составляют три рыцарских ордена и тяжёлая кавалерия. Скольких из них задействовали в этой войне? Ну, кавалерия, допустим, не слишком полезна при штурме, так что её вряд ли отправят, к тому же, им надо оставить кого-то защищать столицу. Значит ли это, что к нам выдвинут лишь два ордена?»

Широн развернул рядом карту, после чего долго в неё всматривался, представляя предстоящие боевые действия.

«Будь я вражеским военачальником, то захотел бы занять долину ниже западного гребня. После чего разделил бы войска и занял ещё и вот эту северную долину! Тогда в полной мере можно воспользоваться преимуществами ландшафта и, заодно, окружить этот район со всех сторон. Вот только станет ли вражеский военачальник дробить свою армию? Ведь если учитывать их традиционный стиль ведения войны, они предпочитают без затей атаковать в лоб. И всё же...»

Чтобы подстегнуть воображение, Широн прикрыл глаза.

Армии Колома, атакующие крепость, надсадное дыхание солдат, вырывающихся из долины, заполненной трупами и реками крови...

«У меня устойчивое ощущение, что вести сражение мы будем именно в долине. Так что хуже не будет, если подготовимся к тому заранее. Приму меры сразу, как рассветёт.»

Широн резко поднялся с места. Хватит разглядывать карту, стратегия в общих чертах ясна! Осталось лишь вносить в неё мелкие коррективы, в зависимости от того, как будет действовать противник.

Широн взял копье и вышел наружу. Когда мысли начинают путаться, лучше не нагружать голову, а как следует пропотеть. При одной только мысли о крупномасштабной бойне нос его начинал ощущать запах крови.

От этого злорадия десяти самых могучих призраков внутри него начинала крепнуть. Несмотря на то, что все минувшие четыре года он посвятил контролю души, данные призраки всё ещё оставались ему неподконтрольны.

Холодный ночной ветер коснулся щёк Широна. Чувствовалось это так, будто его коснулся кончик языка змеи.

Ш-ш-ш...

Широн медленно встал в позицию, направив наверх копья к полу, при этом противоположный конец закономерно поднялся вверх.

Шшших...

Движение, которое он совершил, пробуя пространство перед собой кончиком копья, выглядело очень своеобразно. Оно отличалось от того, чему он учился в Ноабской империи, начиная со спарринга с Гасраком. Эта техника ни разу не демонстрировалась и рыцарям Павитона. Это была какая-то совершенно новая методика, которая рождалась буквально сейчас в его пальцах.

Шшшш...

Наконечник копья принялся вибрировать мелкой дрожью. Вибрация сия была настолько быстрой, что порождала звук, напоминающий трещотку гремучей змеи. А она всё ускорялась и ускорялась, пока не приблизилась к порогу, когда колебания стали неразличимы глазом.

Не меняя позиции, Широн двинулся вперёд. Казалось, будто он медленно скользит над полом, но, стоит отвернуться хоть на миг, окажется, что он за эти мгновения успел продвинуться

далеко вперёд. И вот так, медленно и степенно, он перемещался по учебной площадке.

Один цикл, два цикла, три... Он двигался по широкому плацу то влево, то вправо. При этом он не замыкал круг, а сновал то в одну сторону, то в другую, точно маятник. И, если бы кто сейчас взглянул на это издали, то подумал бы, что он просто забавляется с копьём от нечего делать.

...Конечно, если бы не видел при этом лицо Широ́на и не слышал этот звук. Уже после первого цикла парень весь покрылся потом. Мышцы его были напряжены и набухли так, что, казалось, вот-вот разорвутся.

В какой-то момент движения стали так медленны, что казалось, будто он вот-вот замрёт вовсе, но внезапно он совершил ужасающей скорости рывок. И двигался по-прежнему не по прямой, а скользил по полу, словно змея, вырисовывая S-образный след.

Поскольку вкладывать ману в движения он не умел, действие не проявлялось свечением ауры. Но, несмотря на отсутствие оной, ударная энергия копья была ещё мощнее, чем при её использовании.

Более того – излучаемая им энергия была столь пугающе леденящей, что казалось, будто она опустошает и аннигилирует всё на своём пути.

Вероятно, ни один человек сейчас не смог бы без дрожи выдержать его взгляд!

В глазах Широ́на не осталось ни одной белой точки. Белки его глаз целиком залила чернота. И в миг, когда копьё принялось плясать в его руках, черноту эту рассекли две узкие вертикальные черты жёлтого цвета, делая его похожим на злобного духа.

Чёрточки эти были ещё уже, чем зрачок кошки. Это был взгляд змеи!

Глаза Змея! Легендарного существа, перед которым замирало всё сущее, не смея не то, что двинуться, но даже думать!

Шшшш...

Кстати, теперь, если думать в таком ключе, то Широ́н, с лёгкостью орудовавший копьём, действительно чем-то напоминал змею. Казалось, будто огромный, диаметром около трёх метров, змей стелется по полу.

Движения его имитировали образ огромного змея, который, извиваясь, несколько раз обогнул плац, прежде чем поднять голову и броситься в атаку.

Суисс!

Наконец, он молниеносно ткнул копьём и... замер. Сразу после удара вокруг вновь стало тихо.

Вдруг Широ́н подал руку назад, после чего поставил копьё вертикально. Пот всё ещё обильно струился по его телу, однако дыхание было уже ровным.

Уфффф!

Замерев на месте, Широ́н совершил глубокий вдох, что со стороны казался бесконечным, будто он поставил себе целью вдохнуть всё, что имелось в мире. И в этот миг почувствовал, будто что-то обвилось вокруг его тела.

Нечто прозрачное и едва уловимое, напоминавшее чешуйки змеи, кружило в воздухе, окружая со всех сторон. Но уже через миг оно как-то незаметно слилось с воздухом и исчезло внутри Широ́на.

Жёлтые змеиные зрачки в его глазах вновь схлопнулись. Чернота, заполнявшая глаза, стала постепенно уменьшаться, вновь проявляя обычные человеческие белки.

Частое биение сердца понемногу успокаивалось. В душу возвращался покой.

«Стено... восьмой призрак...» – одними губами прошептал Широ́н.

Шёпот прозвучал так тихо, что его не смогли уловить даже собственные уши.

Затем он уселся прямо посреди тренировочной площадки. Тихо опустил копьё подле себя и плавно сложил руки на животе.

В настоящее время, стоило только принять эту позу, ядовитая энергия приходила в движение сама по себе. Огромные количества трупного яда, поглощённые когда-то в храме Бартенкиума, принимались бурно струиться по всему телу.

Произошли ещё три изменения по сравнению с тем, что имелось четыре года назад.

Во-первых, движение трупного яда стало не таким хаотичным, как прежде, а плавным и естественным. Когда удалось достигнуть этой естественности, вдруг ушла та боль, которую он испытывал раньше при выделении яда. А может, дело в том, что каналы, по которым струилась эта энергия, стали шире?

Количество циркулирующего яда также значительно возросло. Теперь, когда он высвобождал яд, призраки делали то же самое, и вливали в общий поток, из-за чего объём трупного яда стал составлять половину от того количества, что некогда впитал Широ́н. А значит, отныне он мог свободно распоряжаться половиной того яда, что поглотил в храме Бартенкиума.

Остальное по-прежнему оставалось недоступно, поскольку находилось внутри десяти наиболее могущественных призраков Бастиона Душ.

Эти призраки не отвечали на призывы Широ́на и всегда держались особняком. Слишком они были индивидуально сильны. И всё ещё не признавали парня своим хозяином.

Изменилось ещё кое-что – сейчас внутри Широ́на циркулировал не только трупный яд. И если бы вы могли видеть сквозь покровы его тела и осмотреть каналы, по которым струился яд, смогли бы почувствовать отличие.

Прежде там был лишь чёрный и вязкий трупный яд. Но теперь в потоке осязаемое место занимала ярко-зелёная струя. Этот феномен проявился из-за того, что Широ́н ассимилировал токсин, которым умел управлять изначально.

Токсин и трупный яд не смешивались воедино. И, пусть подобное и выглядело странно, оба вида ядовитой энергии образовывали отдельные потоки. Но в то же время, несли их в гармонии друг с другом.

На протяжении минувших четырёх лет, Широ́н постоянно раскручивал яд внутри себя, не позволяя ни дня передышки. Это был метод, придуманный для того, чтобы не потерять себя, не позволить подчиниться десяти призракам Бастиона Душ.

Он ещё не определился, насколько этот путь действенен, но, тем не менее, неустанно стимулировал призраков ядом, пытаясь взять их под свой контроль.

Пока ни один из десяти могущественнейших призраков не отозвался на его старания. Но Широн продолжал свои попытки.

На шлифовку навыка владения копьём ушёл примерно час, на контроль яда – около двух...

Так незаметно и пролетела почти вся ночь, лишь около трёх часов Широн вернулся в свою комнату – ту самую, что выделил граф Монтень.

Как он узнал впоследствии, прежде это помещение занимал Эдмон. То есть, оно было комнатой покойного старшего сына графа.

Однако пришёл он вовсе не за тем, чтобы лечь спать. Широн пристроился на кровати и достал фолиант Йехинатала.

В отличие от работы с копьём и контроля яда, постигать учение Йехинатала на тренировочной площадке он не мог. Ведь, если это увидят, его тут же объявят злым чёрным магом.

Широн зажёл лампу, раскрыл книгу и вновь сложил руки, но в этот раз не на животе, а на груди. Совместив указательные пальцы, а затем и мизинцы, сформировал подобие круга. И начал тихо декламировать заклинание.

Здесь он не мог упражняться в призыве скелетов, Красного Роя или гулей. И не только потому, что под половицами замка трупам было неоткуда взяться – даже если они и были, заниматься подобным в стенах крепости категорически нельзя.

Вместо этого Широн практиковался в Костяном связывании. Призывать структуру из костей и формировать на её основе Костяную паутину для него уже было привычно. Да и создаваемый из костей Костяной щит теперь он тоже мог развернуть в любой момент.

Кто может сосчитать, сколько раз Костяной щит или Костяная паутина спасали в прошлом его жизнь? Если же добавить к ним Костяное связывание, то его боевая эффективность увеличится в разы.

Потому Широн старался освоить Костяное связывание как можно скорее. Хитроумное распределение маны все ещё оставалось для него непростой задачей. Костяное связывание трудное заклятие – его недостаточно просто сформировать и заполнить призванными костями, как это бывает с Костяной паутиной или Костяным щитом.

Для наложения Костяного связывания необходимо верно рассчитать и пространственные координаты противника. Если при связывании тела координаты будут неправильными, то человек в итоге окажется связан не там, где требуется.

Чтобы эффективно обездвижить противника, необходимо заранее предвидеть его движения. Потому заклятие так трудно рассчитать.

Была ещё одна причина, по которой Широн уделял особое внимание Костяному связыванию. Для того чтобы призывать Костяную сеть – вершину костяного искусства – или броню из костей, необходимо усвоить предыдущий этап – Костяное связывание.

Долгий каст подошёл к концу. Вокруг деревянного сундука, стоящего перед Широном,

проявилось яркое сияние. Свет медленно обретал форму костей. С помощью узлов, которые представлял с самого начала, он сформировал петлю и быстро её затянул, чтобы связать сундук.

Крак!

Но что-то пошло не по плану, и кости стали появляться внутри сундука. В итоге Связывание не завершилось, а было прервано. Оно не смогло окончиться должным образом, потому что сущность была призвана в пространство, заполненное другим веществом.

«Фу-ух...»

Широн тяжело вздохнул и расцепил пальцы. Опять неудача! Он снова где-то ошибся при вычислении координат. Он весьма бегло определил пять координат размещения и позиционирования в трёхмерном пространстве, но... видимо, неправильно.

«Высвобождение!»

Он отменил заклинание, и возникшие было кости быстро исчезли. Каждый такой неудачный каст отнимал много маны. И если при тренировках ещё можно сделать перерыв и восполнить резервы, то кто же предоставит такую передышку в разгар битвы?

Выровняв дыхание, Широн вернулся к тренировке. Следовало наработать навык на неодушевлённых предметах, а затем и на живых существах. И только тогда, в час сражения, он сможет делать это свободно.

После небольшой паузы Широн вновь свёл пальцы – совместил указательные и безымянные, а затем и мизинцы. И снова из уст его последовал долгий каст...

Утренние лучи лениво заглянули в окно, а Широн всё ожесточённо тренировался; до сего момента он так и не сомкнул глаз.

Только на рассвете Широн лёг спать. Теперь он спал час, от силы два, за ночь. По какой-то причине больше ему и не требовалось.

В час, когда Широн уснул, в лагере Колома, что по ту сторону Павитона...

Бу-ууу!

Походные горны разорвали холодный рассветный воздух. Ещё до зари бойцы поднялись и собрали шатры. Баллисты уже были разобраны, поделены меж солдатами и нагружены на их спины.

Наибольшие сложности вызывали балки, составлявшие основания баллист. Это были большие деревянные брёвна длиной в 20 метров. На каждую баллисту приходилось по две таких балки, то есть всего их было десять.

Тем не менее, коломцы не жаловались: они тащили брёвна группами по тридцать человек. Перебраться через гору с такой ношей будет непросто. Но глаза солдат полны были решимости.

Граф Любек, сидя верхом на лошади, вскинул руку.

«Сейчас мы отправимся на ту сторону хребта Павитон. Представьте плодородные земли, что

находятся за этими горами – по окончании войны они станут нашими! Вперёд же, воины Колома!»

«Урраааа!» – вскричали солдаты в ответ на слова графа Любека и маршевым шагом двинулись в путь. Рыцари на конях последовали их примеру, цокая копытами.

Глаза у всех были налиты кровью, кулаки сжаты. Дыхание неровным. Как можно остаться спокойным перед лицом войны? Сердце каждого колотилось так, будто вот-вот разорвётся.

«Третий рыцарский орден, вперё-о-од!»

Это подал голос граф Кунцман, указав молотом в сторону горного хребта. Зычный голос, напоминающий рёв медведя, разнёсся по округе.

Не случайно на чёрном нагруднике графа Кунцмана была выбита морда раскрывшего в рёве пасть медведя. И теперь, когда звучал крик графа, казалось, будто ревёт сам царь лесов.

Тум-тум-тум-тум! – Зазвучал дробный стук барабанов для поднятия боевого духа солдат.

Утро предстояло ясным...

Примечание

[1] С давних времён существует определённая путаница между баллистами и катапультами. Здесь под баллистами, судя по всему, подразумевают камнеметательные машины.

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3680453>